

Научная статья

DOI: 10.15826/koinon.2024.04.1.2.008

УДК 316.485.6 + 17.023.2 : 17.023.6

ИНТЕРСЕКЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ПОСТФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ЭТИКИ

Григорий Романович Шумилов¹, Иван Петрович Ягин²

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия,

¹*Shumilov.Grigory@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2158-0613>*

²*ivjagn@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-1565-369X>*

Аннотация: Вопрос онтологических обязательств, этических установок и вытекающих из них политических позиций в XXI веке является острой проблемой социальных наук в свете взаимной эскалации множества конфликтов и катастроф. В статье рассматриваются фундаментальные, антифундаментальные и постфундаментальные подходы в социальной теории. Цель работы — определить, систематизировать формы онтологических размышлений, предложить нормативный горизонт для этических и политических стратегий, основанных на постфундаментальной онтологии. Общий тезис статьи такой: постфундаментализм переосмысляет методологические и мировоззренческие ориентиры, намечает новые формы политических решений и этических подходов. Этот тезис аргументируется в три этапа: на первом этапе определяются три онтологические подхода к понятию основания, на втором — описывается формирование и содержание постфундаментальной этики, на третьем авторы анализируют политические последствия постфундаментальной методологии на примере теории интерсекционализма.

Ключевые слова: фундаментализм, антифундаментализм, постфундаментализм, постфундаментальная этика, этика реального, интерсекциональность, теория пересечений

Для цитирования: Шумилов Г. Р., Ягин И. П. Интерсекциональность как политическая стратегия постфундаментальной этики // Koinon. 2024. Т. 4. № 1–2. С. 106–117. DOI: 10.15826/koinon.2024.04.1.2.008

Original article

INTERSECTIONALITY AS A POLITICAL STRATEGY FOR POST-FUNDAMENTAL ETHICS

Grigoriy R. Shumilov¹, Ivan P. Yagin²

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

¹Shumilov.Grigory@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2158-0613>

²ivjagn@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-1565-369X>

Abstract: The question of ontological obligations, ethical attitudes and political stances arising from the previous two is an acute problem of the 21st century in the light of a multitude of conflicts and catastrophes promoting escalation. The article reviews foundational, antifoundational and postfoundational approaches in social theory. The purpose of the article is to define and systematize forms of ontological thinking, to suggest a normative horizon for ethical and political strategies based on postfoundational ontology. The main statement is that postfoundationalism reconsiders a methodological and ideological outlook, which propose new forms of political decisions and ethical approaches. The argumentation of the statement is threefold: first — to define three ontological frames, second — to describe making and content of post-fundamental ethics, third — to analyze political consequences of post-fundamental methodology with an example of intersectionality theory.

Key words: foundationalism, antifoundationalism, post-foundationalism, postfoundational ethics, ethics of the real, intersectionality, intersection theory

For citation: Shumilov, G. R. and Yagin, I. P. (2024), *Interseksional'nost' kak politicheskaya strategiya postfundamental'noi etiki* [Intersectionality as a Political Strategy for Post-fundamental Ethics], *Koinon*, vol. 4, no. 1-2, pp. 106-117 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2024.04.1.2.008

Введение

Время от времени наше внимание привлекает вопрос о том, как наши политические позиции или этические установки связаны с онтологическими обязательствами. Это происходит, когда мы слышим, как религиозный фундаменталист делает вопиющее заявление о Боге или высшей истине, за которым сразу же следует некое абсолютное моральное предписание и призыв к репрессивным политическим действиям. Мы с тревогой наблюдаем, как подобного рода заявления приводят некоторых людей к мысли о том, что вокруг них много зла, с которым они должны бороться или порицать всеми средствами. Но всё становится сложнее, когда мы сталкиваемся с другими людьми, которые с такой же уверенностью заявляют о ложности убеждений и фанатизме религиозных

фундаменталистов, используя при этом тот же язык агрессии и предпринимая те же действия по подавлению своих «фанатичных» оппонентов, поскольку эти группы трудно отличить друг от друга. Можно предположить и существование третьей группы, протестующей против первых двух, поскольку используемый ими язык вражды и агрессии не прекращает конфликт. Выходом будет оставить подобные разговоры, чтобы сосредоточиться на решении наших общих проблем.

Возьмем другой пример. Несмотря на тот факт, что глобальное потепление наступает для нас всех, его социальные последствия не могут быть исчерпывающе описаны, исходя из какого-то одного фактора. С. Жижек отмечает, что союз феминизма, демократии, экологизма и пацифизма является «радикально контингентным», политическая конвергенция этих движений не объективна, и могут существовать антидемократическая, авторитарная экологическая позиции, требующие жесткого контроля над эксплуатацией ресурсов [Žižek 1990, p. 250–251]. А это означает, что для благоприятного исхода нельзя полагаться на «невидимую руку» фундаментализма, которая расставит все коалиции на свои места, а нужно активно осмыслять, переосмыслять и выстраивать союзы, принимая во внимание отсутствие онтологических гарантий, защищающих от вражды между вчерашними соратниками.

В приведенных нами примерах отчетливо проявляется взаимосвязь онтологических, этических и политических аспектов мышления в различных формах, поскольку каждый раз принимаемое решение затрагивает группы людей, их интересы и ценности, следовательно, влечет за собой далеко идущие этические и политические последствия.

Цель этой статьи заключается в обнажении и систематизации трех форм онтологических обязательств и размышлений в социальной теории — фундаментализма, антифундаментализма и постфундаментализма. Другая, не менее важная, цель, которую мы преследуем, — обозначить возможные контуры нормативного горизонта (этической установки и политической стратегии) постфундаментальной политической онтологии. Вопрос в том, имеет ли онтология отношение к формулированию этических и политических позиций и каким образом они развивались на фоне дискуссий о понятии основания. Если фундаментализм и антифундаментализм — это хорошо известные парадигмы мышления, то постфундаментализм в философии и социальных науках актуализируется только в начале XXI века в качестве одного из наиболее адекватных и многофункциональных способов осмысления мира, его вызовов и выработки их решений [Керимов 2022]. Общий тезис нашей статьи заключается в том, что постфундаментальная онтология значительно обновляет систему методологических и мировоззренческих ориентиров, намечающих нормативный горизонт этических и политических действий. Этот тезис аргументируется в три этапа, которые и предопределили структуру статьи. Статья начинается с определения трех онтологических парадигм. Во второй части статьи формулируются

ориентиры постфундаментальной этики. Наконец, в заключительной части на примере интерсекционализма описываются политические последствия постфундаментальной онтологии.

Три онтологические парадигмы

Философский вопрос явно или неявно связан с пониманием основания, или сущности, изучаемого объекта, тем самым являясь онтологическим вопросом в том или ином виде. Исследователь, задаваясь вопросом об основании, погружается в поле онтологии и занимает одну из возможных перспектив онтологического горизонта. Он осознанно или неосознанно выбирает предельную парадигму в отношении основания сущего, занимаясь поиском его сущности, его первопричины. Опуская смешанные и алогичные аспекты, мы можем выделить три онтологических перспективы: фундаментализм, антифундаментализм и постфундаментализм.

Фундаментализм — наиболее знакомый и понятный способ философского мышления. Фундаментализм имеет место всякий раз, когда философия обращается к основанию и занимается его поиском, воспринимает его в качестве причины и в конечном счете специфицирует в понятии Абсолюта. В рамках фундаменталистской позиции протекал весь метафизический поиск, начинающийся с Античности. Аристотель фактически обосновал поиск фундамента не только как естественную цель любого стремящегося к знанию человека («...то, что мы ищем, — это начала и причины существующего, притом, конечно, поскольку оно существующее» [Аристотель 1976, с. 180]), но и описал вариации онтологических картин предшествующих авторов. Характерные черты фундаментализма как парадигмы можно представить через совокупность определенных методологических принципов, а именно: 1) наличие предельного основания, выраженного в термине «Абсолют» в любой философской системе; 2) редукционизм, т. е. сведение всего сущего к основанию, Абсолюту, единому, которое и подвергается изучению [Там же, с. 67–79]; 3) определенный теологизм и вследствие этого деонтологизация реальности, то есть выделение смысла сущего в слое сверхсущего через отсылку к метареальности. Любая фундаменталистская перспектива будет неизбежно онтологичной с позиции интереса и цели (как поиск предела бытия) и теологичной с содержательной стороны (конечный предел как Абсолют, всеобщее единое) [Там же, с. 169–170].

Противоположностью фундаментализма является антифундаменталистский подход. Данная парадигма критична по отношению к философско-методологическим установкам классической метафизики (онтотеологии), которые воспринимаются как минимум недостаточно проработанными, а как максимум — подменяющими предмет онтологии. М. Хайдеггер обозначил онтологический поворот, порвав с фундаменталистской логикой с помощью

дифференциации понятий онтического и онтологического, «сущего в его бытии и бытия сущего» [Хайдеггер 1998, с. 89]. Ухватив скептический и релятивный потенциал деструкции фундаментализма, антифундаментализм выдвинул иные принципы построения онтологии. Во-первых, это перманентная открытость системы, принципиальное отсутствие замкнутости и выделения крайнего единого основания (и вытекающие из этого теории относительности и концепции дискурса). Во-вторых, это антиредукционизм, постулирование невозможности сведения одного элемента к другому, а также обосновывающий его определенный холизм оптики, признающий невыводимость свойств целого из свойств компонентов, и отказ от большинства форм детерминизма. В-третьих, это попытка реонтологизации, связанная с концептом «существования», процессуальными, акторными, релятивными моделями философии. Рассмотрение бытия в аспекте субстантивного *архэ* опускается, в то время как аспекты процессов существования наделяются особым онтологическим статусом. «Мир везде здесь остается обозначением человеческого *присутствия* в сердцевине его существа» [Там же, с. 109].

Наконец, постфундаментализм как феномен современной интеллектуальной и философской мысли наследовал некоторые тенденции двух парадигм и в определенной степени стал синтетическим способом онтологического мышления. При этом следует добавить, что указанные три онтологические парадигмы противоречат друг другу по своим принципам и радикально исключают одна другую, и между ними не может быть никакого компромисса.

Во-первых, постфундаментализм при действительном отказе от поиска предельных оснований не отрицает существование оснований вообще, но воздерживается от выделения окончательного, абсолютного основания. И в зависимости от парадигмы в рамках постфундаментальных поисков можно обнаружить как временные или интуитивные основания, так и артикулируемые множества оснований.

Во-вторых, ирредукционизм постфундаментализма стремится к децентрации традиционных иерархий и онтологий, он отказывается от упрощения социальной действительности, но вместо антифундаменталистского эпистемологического регресса (бесконечного поиска причин) делает акцент на сложности, разнообразии различных аспектов жизни. Вместе с установкой на поиск различий и отказом от признания гомогенности реальности постфундаментальная онтология становится продуктом *логики добавления*. Учитывая качественные различия и контрасты, взаимосвязи предметов изучения, многообразие мнений, культурных и дискурсивных практик, данная философская оптика постулирует «принципиальную позитивную открытость» — все элементы сущего контингентны, т. е. не необходимы, но невозможны: само сущее является сборкой и диахронической презентацией, а значит количество потенциальных добавлений почти неограниченно при условии, что оно обосновано.

И в-третьих, вытекающая из предыдущего пункта потребность в обосновании сборки онтологической картины подразумевает постоянные процессы актуализации и проблематизации концепций и структур. Постфундаментализм современен в том смысле, что он запускается и реализуется как форма интеллектуального подхода посредством деконструкции, он гибко обновляется и обогащается знаниями, отказываясь от однозначных и законченных ответов.

Развернув систему философских парадигм, попробуем определить, какое значение, а главное, какую форму приобретает этика в качестве теоретического продукта постфундаментального мышления.

Ориентиры постфундаментальной этики

Классическая этика при построении собственных систем опирается на основание сущего, так что все ее положения редуцируются к нему. В качестве такого основания могут выступать благо, Бог, закон и др. Если мы хотим преодолеть фундаментализм, нам нужно ответить на вопрос, чем становится этика, когда деконструируется само понятие основания. При ответе на этот вопрос мы будем опираться на работу А. Зупанчич «Этика реального: Кант, Лакан» [Zupančič 2000].

Кант выделяет особую область этического с помощью различия в движущих силах, мотивациях, во влечении (*Triebfeder*), которое патологично в том смысле, что каждое влечение гетерономное, связано с чувством, *пафосом*. В то время как поступок является звеном внешней и внутренней цепи причин и следствий, истинное влечение (*echte Triebfeder*) автономно, беспричинно и безосновно. Кантианская этика в отличие от традиционных подходов к морали — это этика чистого влечения. Таким образом, «одно лишь соответствие или несоответствие поступка закону безотносительно к его мотиву называют легальностью (законосообразностью); то соответствие, в котором идея долга, основанная на законе, есть в то же время мотив поступка, называется моральностью (нравственностью) поступка» [Кант 1994, с. 240]. Идея долга является чистым влечением, чистой формой закона, которая не является формой содержания какого-то конкретного закона. Между кантовским чистым влечением, чистой формой закона и определением прибавочного наслаждения у Ж. Лакана можно установить непосредственную связь.

В психоанализе Ж. Лакана существует такая концепция формы, которая не является формой для какого-то содержания, а лишь для самой себя — *прибавочное наслаждение* или, другими словами, *object petit a*. Объект *a*, объект-причина желания, указывает на пустоту, но такую, которая сама обозначает всё то, чего у нас нет. Получая конкретный объект требования, извлекая из него удовольствие, мы видим не только объект, но и формальный пустой объект *всего того, чего у нас, за исключением имеющегося, нет*. Этот пустой

объект-причина, чистая форма, форма без содержания, побуждает человека конкретно представить какой-то следующий объект требования и повторить круг желания снова. Аналогичный объект-причина работает в категорическом императиве: каждое выполнение закона или его невыполнение открывает прибавленную к конкретному поступку формальную форму чистой идеи долга как поступка, который не совершен.

Способность видеть иное, неслучившееся, открывает человеку вину и сожаление. В данном контексте необходимо распознать под маской психологизма онтологическую сторону: вина не как психологическое состояние, имеющее причину в Другом, то есть как в мире естественных, так и исторических причин, а как индикация самой способности разума обращаться к иному до всякого конкретного опыта. А. Зупанчич пишет: «...ровно в этой точке мы сталкиваемся с разделением или расщеплением, которое конституирует этический субъект, разделение, выраженное в *‘Я ничего не мог поделатъ, но, и все-таки, я виноватый’*. Свобода показывается в этом расщеплении субъекта. Самое главное — свобода не несовместима с фактом, что *‘Я ничего не мог поделатъ’*, и тем, что меня *‘унесло в потоке естественных причин’*. Парадоксально, в тот самый момент осознания субъектом, что его несет поток естественных причин, ему становится известна свобода» [Zupančič 2000, с. 27]. Здесь повторяется логика обнаружения дополнительной формы, прибавленной к содержанию. Несвободно то, что не может осознавать свою несвободу и действует без рефлексии по принципу «стимул — реакция». Осознание несвободы и есть распознавание прибавочной формы свободы к детерминизму. Однако не все причины «сотворены равными», А. Зупанчич указывает на эхо лакановской максимы: «Нет Другого Другого <...>. Нет Причины причины <...>, субъект как таковой — это эффект причинно-следственной детерминированности, но не прямым образом — субъект есть эффект этого чего-то, что делает отношения между причиной и (ее) следствием возможными» [Ibid., p. 29].

Остается ответить на вопрос, чем является «это что-то». А. Зупанчич прибегает к идее *вынужденного выбора*: субъект должен решить — либо отпустить всё и плыть по течению естественных детерминаций, либо сопротивляться и тем самым вернуться к тому же положению, которое было вначале. Иными словами, субъект разрывается между двумя вариантами: либо отказаться от субъектности, либо быть субъектом выбора. Так как это структурный вопрос, то есть такой, который показывает логическую, а не хронологическую позицию, первый вариант невозможен: выбор без выбора. Наконец, мы готовы собрать схему этического субъекта, «возникающего из совпадения двух нехваток: нехватки в субъекте (субъектная нехватка свободы, связанная с моментом “принудительного выбора”) и нехватки в Другом (тот факт, что нет Другого Другого, нет Причины позади причины) <...>. ...Субъект может выбрать только свободу, альтернативный выбор вычеркнут одним лишь фактом,

что это выбор не-сущности [non-being] или несуществования <...>. ...[Субъект] расщеплен или разделен в своей свободе, субъект, который думает о себе как о свободном, но в то же время исключен из этой же свободы. Здесь Кант вводит “постулат депсихологизации”, или “постулат детерминизма”. Этот ход, таким образом, ставит субъекта перед изначально невозможным выбором: субъекта принуждают столкнуться с собой как с лишь объектом воли Другого, как с инструментом в руках механической или психологической каузальности. В этой точке Кант вмещивается вторым жестом, выбор *Gesinnung*. Этот жест открывает измерение субъекта свободы. Субъект свободы действительно является эффектом Другого, но не в том смысле, чтобы являться следствием какой-то причины, которая существует в Другом. Наоборот, субъект — это следствие того факта, что есть причина, которая никогда не будет обнаружена в Другом; она — следствие отсутствия причины, следствие нехватки в Другом <...>. Не может быть свободы без субъекта, и в тоже время само возникновение субъекта есть уже результат свободного акта» [Ibid., p. 39–41]. Невозможность единственной причины сущего необходимо ведет к этическому осмыслению множественности оснований, этическое осмысление серии причин открывает нередуцируемость причин к одной единственной ввиду уже этой работы этического субъекта.

Постфундаментальная онтология удерживается от коллапса в фундаментализм благодаря этике как формальному дополнению к сущему. Это пустота, которая указывает на контингентность обоснования, то есть пространство в сети, позволяющее одному основанию сменять другое. Положение дел не может быть неопределенным вечно — это факт, — и его конкретный исход формулируется в политическом решении. Принципиальное отличие от классического объяснения в духе исторической необходимости или божественного проведения и т. д. состоит в удержании парадоксального «это было альтернативно, пока не произошло, и тем самым стало необходимо», где открывается политическая вина как указание на упущенную возможность избежать нечто, теперь уже ставшее причиной нынешнего положения вещей. Субъект, полностью ограниченный рамками законов причины и следствия, принуждается к выбору ограниченного количества оснований для объяснения явления, которое необходимо будет следовать из выбранных причин, но он свободен в выборе оснований, из которых с необходимостью проистекает явление.

Политические решения постфундаментальной этики: интерсекционализм

Интерсекциональная этика в широком смысле является совокупностью этических теорий и концепций, объединенных общей социальной проблематикой и методологией теории пересечений, в рамках которой любой

социальный, политический и иной процесс между индивидуумами и группами индивидуумов рассматривается как результат пересечения множества факторов: профессиональных, демографических, социальных, культурных, полоролевых и т. д., например, таких как раса, пол, класс, сексуальная ориентация, инвалидность.

Сама теория интерсекциональности зародилась в недрах постмодернистской парадигмы в первую очередь как критический подход к социальным исследованиям: ключевые концепты теории (раса, класс и гендер) отсылают к определенным практикам структурного насилия [Поспелова 2014, с. 62]. На данный момент интерсекциональность обозначает большой спектр идеологий, которые базируются на посылах, обозначенных выше. Стоит назвать несколько ключевых характеристик данного подхода.

Во-первых, критический подход к социальности, методологический конструктивизм как потенциальный источник многообразия. Интерсекциональный подход, опираясь на сетевые, гетерогенные онтологии множества оснований, предполагает, что каждый элемент общественной жизни детерминирован не одним фактором, а множеством обстоятельств и явлений, которые взаимодействуют между собой. Предметом интерсекционального подхода как методологии является не столько индивид (как неделимое), сколько его идентичность — как сборка, ассамбляж разнородных социальных отношений и статусов, конструируемых в условиях историчных социальных структур. Идентичность как феномен «представляет собой сложное динамичное явление, в котором даже базовые уровни подвергаются диффузии» [Соковиков, Зайкова 2022, с. 81]. Такая презумпция превентивно расширяет поле для философской рефлексии и исключает любую окончательную возможность «закрытия» дискурса: если человек — это сингулярность, значит, потенциально возможно неограниченное число критериев, систем координат, которые могут быть добавлены в выборку.

Во-вторых, вытекающий из предыдущего пункта характер полученного знания: эпистемологическая комплексность и когерентность. При рассмотрении проблемы в рамках интерсекционального подхода идентичность рассматривается в разных аспектах и в отношении к разным социальным группам (идентичность и раса, идентичность и пол, идентичность и класс и т. д.), парадигма признает сложность и многоуровневость устройства мира, спектральность и взаимообусловленность каждого феномена. Происходит отказ от «либеральных дуализмов» эпохи модерна, разводящих в качестве автономных реальностей политику и экономику, государство и (гражданское) общество» [Поспелова 2014, с. 58]. С одной стороны, это наделяет полученные данные большой познавательной (описательной) ценностью. С другой — дает возможность как ранжировать элементы идентичности (пол, раса, внешность и т. д.) в связи с различными социальными структурами общества (гендерный

режим, расовый режим, эстетический порядок) по степени интенсивности, устойчивости, важности, так и обозначить принадлежность и степень идентификации идентичности с группами, с которыми у нее существует общий социально важный признак. Комплексность и теория систем помогают установить причинно-следственные, символические и иные связи между всем, что является значимым для идентичности.

В-третьих, выдвижение этического проекта, стимулирование политического участия и проактивность концепции. Теория пересечений обладает не только методологической и эпистемологической стороной, но имеет ярко выраженную политико-этическую составляющую.

Интерсекциональная теория, критически осмысляющая социальную действительность, погруженная в поиски сущности текущего расового, гендерного, экономического уклада, тесно связанная с идентичностью как силой принадлежности к той или иной (угнетаемой) группе, формирует проект желаемого общества, его политического порядка, а также вырабатывает представления о его должном функционировании и ценностных ориентирах.

Этика интерсекционализма является политическим решением, способностью оспорить существующий консенсус (разрушение фундаментализма) и конвенционально установить новый. Исходя из методологической, онтологической, эпистемологической теории пересечений, этическое и политическое действие превращается в способ освобождения человека через создание коллективного субъекта посредством механизма солидарности.

Солидарность не является феноменом, выходящим за рамки парадигмы, она является практическим механизмом этического мышления и философской рефлексии. Взаимосвязь идентичности и солидарности можно описать следующим образом: «разное не может быть идентичным, но может солидаризоваться по тем или иным основаниям» [Соковиков, Зайкова 2022, с. 80]. Идентичность, являясь сингулярной точкой, выделяет в себе такие черты (проявления оснований), которые посредством логики добавления и механизма солидарности способны обосновать модель реальности с множеством оснований. Эта модель будет обладать относительной устойчивостью, всегда будет центрирована на отношении идентичности, но при этом будет являться открытой.

Заключение

Итак, политическое решение всегда зависит от того, какое основание будет необходимо выбрано субъектом в качестве причины, но причины этого решения в мире нет, она рождается *ex nihilo*, что составляет этическую характеристику решения и обозначает его контингентность. Такой подход снимает вопрос об оправдании действий, построенном на натурализации в виде «исторической необходимости», «воли Народа» и т. п. Даже если продолжать настаивать

на причинно-следственном детерминизме, ни одна причина не придет к следствию, если этот переход не осуществит субъект. Субъект не может уклониться от решения, он в любом случае будет проводником какой-то детерминации, но до ее осуществления присутствует множественность исходов, которая становится видимой в критической ретроспективе.

В фокусе интерсекциональности удерживается субъект свободы, подрывающий любую идентичность как окончательную и однозначную детерминанту. Из-за онтологического эгалитаризма принципов, определяющих разные аспекты идентичности, исключается репрессия множества причин в пользу одного фактора. Политическое решение основывается на поиске не взаимоисключающих друг друга целей, т. е. на поиске, приходящем к такой общей стратегии, которая не репрессировывает отдельных участников, не разделяющих строго одну и ту же цель. Политическая сцена открывается в виде таких групп солидарности, которые ставят целью не стратегию однонаправленного движения к единому «светлому будущему», где «кто не с нами, тот против нас», а стратегию расползания, «кто не против нас, тот с нами». Конфликт возникает в рамках строгой дизъюнкции. Такой подход к осмыслению социального позволяет объяснить не только соседство похожего и вражду разного, но порой внезапные содружества разных «лозунгов», а временами даже вражду, казалось бы, близких позиций.

Список источников

- Аристотель 1976 — *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 1 : Метафизика / под ред. В. Ф. Асмус. М. : Мысль, 1976. 550 с.
- Кант 1994 — *Кант И.* Собрание сочинений: в 8 т. : юбилейное издание 1794–1994. Т. 6 : Метафизика нравов / пер. с нем. С. Я. Шейнман-Топштейн, Ц. Г. Арзаканьяна ; под общ. ред. А. В. Гулыги. М. : ЧОРО, 1994. 613 с.
- Керимов 2022 — *Керимов Т. Х.* «Онтологический поворот» в социальных науках: возвращение эпистемологии // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21, № 1. С. 109–130.
- Поспелова 2014 — *Поспелова О. В.* Интерсекционный подход в социальной и политической теории // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1. С. 57–64.
- Сокоиков, Зайкова 2022 — *Сокоиков С. С., Зайкова О. Н.* О месте идентичности, разнообразия и солидарности в современной культурной политике: проблемы артикуляции концептов // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2022. Т. 1. С. 78–85.
- Хайдеггер 1998 — *Хайдеггер М.* О существе основания / пер. с нем. В. В. Бибихина // Философия: в поисках онтологии: сборник трудов Самарской гуманитарной академии. Самара: СаГА, 1998. Вып. 5. С. 78–130.
- Žižek 1990 — *Žižek S.* Beyond Discourse-Analysis // New Reflections on the Revolution of Our Times. London : Verso, 1990. P. 249–260.
- Zupančič 2000 — *Zupančič A.* Ethics of the Real: Kant, Lacan. L. ; N. Y. : Verso, 2000. 266 p.

References

- Aristotle (1976), *Sochineniya [Works]*, Mysl', Moscow, vol. 1. *Metafizika*, 550 p. (in Russian).
- Heidegger, M. (1998), "On the Essence of Ground" in *Filosofiya: v poiskakh ontologii: Sbornik trudov Samarskoi gumanitarnoi akademii [Philosophy: in Search of Ontology: Collected works of Samara Humanitarian Academy]*, issue 5, SaGA, Samara, p. 78–130 (in Russian).
- Kant, I. (1994), *Sobranie sochinenii [Collected Works]*, commemorative edition 1794–1994, ChORO, Moscow, vol. 6. *Metaphysics of Morals*, 613 p. (in Russian).
- Kerimov, T. Kh. (2022), "‘Ontologicheskii povorot’ v sotsial’nykh naukh: vozvrashchenie epistemologii" [*‘Ontological Turn’ in Social Science: the Return of Epistemology*], *Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological review]*, vol. 1, p. 109–130 (in Russian).
- Pospelova, O. V. (2014), "Intersekcionnyj podhod v socialnoj i politicheskoy teorii" [*Intersectionality Approach in Social and Political Theory*], *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki [Journal of Northern (Arctic) Federal University. Issue: Human and Social Sciences]*, vol. 1, p. 57–64 (in Russian).
- Sokovikov, S. S., Zaikova, O. N. (2022), "O meste identichnosti, raznoobraziya i solidarnosti v sovremennoj kulturnoj politike: problemy artikulyacii konceptov" [*On the Position of Identity, Diversity and Solidarity in Modern Cultural Policy: Problems of Articulation of Concepts*], *Vestnik YuUrGU. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki [Journal of SUSU. Issue: Social and Human Sciences]*, vol. 1, p. 78–85 (in Russian).
- Žižek, S. (1990), "Beyond Discourse-Analysis" in Laclau, E., *New Reflections on the Revolution of Our Times*, Verso, London, New York, p. 249–260.
- Zupančič, A. (2000), "Ethics of the Real: Kant, Lacan", Verso, London, New York, 266 p.

Статья поступила в редакцию 07.04.2024;
одобрена после рецензирования 15.04.2024;
принята к публикации 15.04.2024

The article was submitted 07.04.2024;
approved after reviewing 15.04.2024;
accepted for publication 15.04.2024

Информация об авторах

Шумилов Григорий Романович — студент департамента философии
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Ягин Иван Петрович — студент департамента философии
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Information about the authors

Grigoriy R. Shumilov — student of the Department of Philosophy
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Ivan P. Yagin — student of the Department of Philosophy
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia